

Телефонный разговор

Моррис Фернандес

Несколько часов назад Яреци сказала ему, что собирается с Тору и Джуном отправиться в монастырь. Он просто кивнул и, сославшись на срочную работу, скрылся в ресторане, оставив дочь недоуменно смотреть на него. Он старался скрыть нахлынувшие на него эмоции, и это получилось. Он спокойно отработал, даже смог посмеяться над шутками Антуана и сказать что-то веселое самому. Он старался сохранять непринужденную обстановку и вид. И жалел, пожалуй, только о том, что скоро его стажировка закончится, и ему придется вернуться в Испанию. Что там делать? Там все напоминает о Лауре. Вернуться в Россию? Там прошло счастливых двадцать лет с самой любимой и единственной женщиной, которая подарила ему радость отцовства, родив прекрасную дочку...

Ему было больно. Он до сих пор не мог поверить, что все эти годы он жил в обмане. И ладно, что она обманывала его, с этим можно смириться, это можно забыть и отпустить. Но она обманывала Церковь. Это было самым страшным. Он не хотел, чтобы все закончилось именно так, но это было не в его власти.

Вечером, после работы, они устраивали шумные проводы своего коллеги, которого отправляют на стажировку во Вьетнам. Моррис немного расслабился, и к возвращению домой у него было хорошее настроение. Он налил себе чай и сел в кресло, чтобы посмотреть телевизор. На столике в конверте лежали документы, так и не подписанные им. Он совершенно забыл о них, полностью отдавшись работе. И снова он приходил в ресторан раньше положенного и уходил чуть ли не за полночь. По крайней мере, было не так больно.

От просмотра телевизора его отвлек телефонный звонок. Он посмотрел на дисплей и покачал головой. Ответил на звонок.

- Слушаю, - устало сказал он.

- Ты лишил меня дочери. Ты понимаешь, что я не хочу больше жить с тобой и тебя знать?

- Мне казалось, это ты сама лишила себя дочери. Или этому поспособствовал этот щенок? - Холодным голосом произнёс Моррис в трубку.

- Не трогай моего любимого Маркуса. Ты его вышвырнул из квартиры, а ведь это и твой родственник. Он не брал у тебя деньги, о чём ты так говорил. А вот по поводу Яреци я не уверена!

- Что?! Ты совсем там, в своей Испании мозг потеряла? Он тебе что-то подсыпает в еду? Что он с тобой делает? Ты... - он замолчал на секунду. - Скажи мне, что это неправда... ты же не могла так поступить?

- Это правда, Моррис, и ты это знаешь, - насмешливо ответила трубка. - Ты подписал бумаги?

- Развода ты не получишь! - прошипел мужчина и хотел отключить телефон.

- Это ты виноват в этом! Я тебя ненавижу! Будь ты проклят, Моррис! Я добьюсь, чтобы Яреци бросила ребенка и вернулась ко мне!

И Лаура настолько быстро отключила связь, что Моррис не успел ничего сделать. Он несколько минут сидел в кресле и смотрел на погасший экран дисплея. Он не понимал, что происходит с Лаурой, но решил, что у нее начался старческий маразм. Потому что он совершенно не понимал, что это было. Чего она хотела этим добиться?

Он был живым человеком, который тоже чувствовал, любил и чего-то боялся. Сейчас он боялся только одного - остаться одному. Яреци с Тору уезжают в монастырь, Лаура лишилась рассудка из-за этого мелкого гаденыша, а он заканчивает стажировку. И что ему делать потом? Куда уехать? Вернуться в Россию и работать на посольской кухне? Или в Испании в ресторане, где есть большая вероятность встретиться с женой или кем-то из ее родственников?

Почему так больно? Почему кажется, что боль физическая, отдается где-то в сердце? Что делать с этим? Почему глаза щиплет, а в груди непонятное жжение?

Он промокнул глаза и горько хмыкнул. Слезы. Это было очень неожиданно, учитывая, что последний раз он плакал в далеком детстве. У него даже не было мысли, что вот это постыдное явление, отражающее скорее слабую женщину, нежели сильного мужчину, может произойти и с ним. Он хмыкнул и порадовался хотя бы тому, что этого позора никто не видит.

Он умылся холодной водой и посмотрел на свое обручальное кольцо. А потом его накрыло настолько, что некоторые события напрочь вычеркнулись из его памяти. Он только помнил кровь на костяшках, звон разбитого зеркала и бутылку виски....

Он подошел к двери в квартиру и нажал на кнопку звонка. Он не отдавал себе отчета, что может наткнуться на дочку, ему сейчас было без разницы, на кого наткнуться. Главное, чтобы хоть кто-то был дома...

Яреци Фернандез

Когда Яри сообщила папе, что собирается отправиться в монастырь, она ожидала всего что угодно, но не сухого "хорошо". Папа очень быстро ушел, сославшись на работу, и девушка осталась одна. Она хотела сначала позвонить Джуну, но после той болезни она боялась лишний раз показываться ему на глаза. Она все еще чувствовала вину за произошедшее и хоть попросила у него прощения, не верила, что она прощена. Было страшно.

Весь день она гуляла по городу, сидела в кафе, пыталась сделать какой-нибудь шоппинг, а вечером вернулась домой. Тору еще не было, и она вздохнула. Надо приготовить что-нибудь поесть, убрать квартиру и настроиться на хорошее настроение. Но вот если с уборкой все заладилось почти сразу, то вот с готовкой и хорошим настроением не получилось.

И хоть настроение повысилось после сообщения Тору, что он едет домой и забежит по пути в какой-нибудь ресторанчик и купит что-нибудь поесть, чтобы она ничего не готовила и немного отдохнула, как сразу после этого раздался неожиданный телефонный звонок, списавший на нет поднимающееся хорошее настроение. Звонила мама.

- Мама... - девушка постаралась, чтобы её голос не дрожал. Почему-то стало страшно.

- Здравствуй, Яреци. Ты не передумала? Помнишь, мы разговаривали несколько месяцев назад. - У матери холодный голос и тон, будто она читает текст по бумажке.

- Я... мама, я люблю Тору... я... люблю нашего ребёнка. И я... мамочка, я тебя очень сильно люблю. И папу тоже...

- Твой папа хочет забрать тебя у меня. Лишить возможности видеть тебя. Они сговорились...

- Что ты такое говоришь, мамочка? Я... я люблю Тору. Я... я хочу приехать к тебе...

- Так приезжай! - Перебила её трубка. - Кончай со всем этим, отдай ребенка папаше и возвращайся ко мне в Испанию. Ты будешь счастлива. У тебя всё будет хорошо.

- Я не буду бросать свою малышку. Я не брошу Тору. Я... поклялась...

- Клятвы в нашем мире ничего не стоят. Твой папаша тоже мне клялся в большой любви.

- Мама, почему ты папу так ненавидишь?

- Смотри, Яреци, ты можешь пойти по моим стопам. Сейчас не поздно всё изменить, - от тона, которым произнесла трубка, стало как-то не по себе. В душу начинала закрадываться паника.

- Мама?

Яреци не сразу обнаружила, что мама отключила связь. Некоторое время девушка смотрела на телефон, а потом почувствовала, как тело сковало холодом. Она опустилась на стул и закрыла глаза. Начала накатывать паника. Она знала, что мама и папа хотят развестись, знала, что они венчались в церкви, она смотрела видео с этого прекрасного мероприятия, она где-то читала, что можно развестись на законодательном уровне, но никак не на духовном. За это она была относительно спокойна. Она не представляла, как можно развестись с человеком, с которым заключаешь брак на небесах? Они ведь давали клятву в верности, они были счастливы. Они любили друг друга.

Звонок в дверь заставил её вздрогнуть от неожиданности и, стерев выступившие слёзы, выйти в коридор. Звонок повторился, и она открыла дверь. Перед ней стоял папа, и она вздрогнула - он был какого-то странного вида. Он был совсем другим,

таким она его никогда не видела. Он был потерянным и... пьяным. Пьяным она его тоже никогда не видела. Настолько пьяным...

- Папа? Что с тобой? - пискнула она, приглашая его в квартиру. Собственные проблемы отошли на второй план.

Моррис Фернандес

Время будто остановилось. Он смотрел на дверь, а видел большую просторную гостиную, в которой любила находиться мать возлюбленной. Сейчас там были родители Лауры, её брат Рикардо и они с Лаурой. Любимая что-то говорила, а он крепко держал её за руку.

- Это правда? - Спросила женщина. Лауритта кивнула. - Почему ты мне ничего не рассказала?

- Это он, - её отец кивнул на Морриса, - тебе запретил говорить?

- Отец, - подал голос Рикардо, - Вынеси свой вердикт и давай разойдёмся. У меня ещё много работы.

Мужчина посмотрел на Морриса и прищурился. Моррис отпустил руку своей возлюбленной и встал на одно колено перед её родителями.

- Синьор Агирре, синьора Агирре, - он вежливо поклонился им. - Я очень сильно люблю вашу дочь. Я понимаю, что ей очень больно и страшно, но я клянусь, что я никогда не брошу её. Я буду любить её, ценить и оберегать. И я... я никогда не буду использовать это против неё. Я прошу у вас благословения на наш брак...

В гостиной повисло молчание, заставляющее Морриса сильно нервничать. Он чувствовал свою вину перед ней. Он всю жизнь любил её, ждал её, но вот в тот момент, когда ей необходима была помощь и поддержка его не было рядом. Он даже не знал о том, что с ней что-то случилось. И он знал, что после этого её бросил жених...

- Отец, - снова подал голос Рикардо. - Я ему верю. несмотря на то, что он всего лишь повар, он действительно любит мою сестру. И... если бы он её не любил, то не стал бы с тобой драться.

Щёки Морриса налились румянцем, стало страшно. Этот эпизод из жизни хотелось вычеркнуть, но почему нельзя это сделать?

- Хорошо. Я благословляю вас, - сухо сказал отец, перекрестил Морриса и Лауру и указал им на дверь.

Голос дочери вывел его из этого воспоминания, и он мотнул головой и пошатнулся.

Но послушно вошёл в квартиру и посмотрел на неё. Хотелось говорить, говорить много, но... он почувствовал, что стесняется говорить всё это при дочери. Это не для её ушей. Только сейчас он понял, что нужно было позвонить Тору. Не нужно было идти в квартиру, где с огромной вероятностью может находиться дочь.

- Яри, родная, - сказал Моррис, голос его был глухим и невыразительным, - могу я выпить у тебя чаю? Мне не очень хорошо... и... мне надо с кем-то поговорить...

Яреци Фернандез

Папа был сильно пьяным, но он хотя бы не лез целоваться. Нельзя сказать, что девушка видела многих пьяных парней и мужчин, но вот вроде Макс когда напился, то лез целоваться. Или её одноклассники лезли целоваться. Хорошо, что к другим девчонкам, а не к ней. Папа тоже раньше бывал пьяным, но тогда он веселился, шутил, засиживался до ночи со своим другом, дядей Гильермо. Но сейчас папа явно не веселился. Он был потерян. И он был каким-то странным. Неужели он расстроился из-за того, что она решила уехать в монастырь? Но ведь она вернётся, она будет созваниваться с ним... может быть как-нибудь с дочкой приедет к нему в Москву. С дочкой и с Тору.

Воспоминания о разговоре с мамой заставили её вздрогнуть и болезненно поморщиться. Но вид папы, такого потерянного и несчастного, снова отогнал неприятные мысли о разговоре, и она провела мужчину на кухню и поставила перед ним кружку свежесваренного чая. Присела на стул напротив него.

- Папочка, неужели ты расстроился из-за моего отъезда в монастырь? Но я... мы ненадолго туда поедем. Я потом обязательно вернусь. А хочешь, - она взяла его за руку, - я поговорю с Тору, чтобы он меня отпустил с тобой в Москву? Я... я же родилась там, так почему и твоей внучке не родиться там?

Она старалась сделать свой голос весёлым и непринуждённым, надеялась, что папа улыбнётся, но он просто молча смотрел на кружку с чаем. Девушка не понимала, почему он не улыбнулся, и ведь больше ничего же не случилось с ним? Он просто устал на работе и принял весть о её отъезде слишком близко к сердцу.

Она заметила, что его рука в крови, и пискнула. Направилась за аптечкой и стала осторожно протирать перекисью водорода его раны на руке.

Тору Мотидзуки

После всей этой истории с племянником и шаманизмом, причем эти два слова до сих пор плохо вязались в его голове, Тору согласился на предложение Яреци отвезти Джуну в монастырь и повести там пару недель. Конечно, в первый момент нечто подобное показалось ему совершенно нереальным, учитывая его занятость, но потом он договорился с нужными людьми, перенес некоторые занятия и смог выкроить время на небольшой отпуск. Он немного колебался из-за вероятной трудности пути для Яри в её положении, но потом, взвесив все «за» и «против» решил, что это не самый худший вариант. По крайней мере, девушка должна была после этого перестать волноваться за Джуну, который последнее время чувствовал себя намного лучше и получить возможность видеть мужа в сознательном состоянии не несколько часов в день перед тем, как он отключится, сидя за ноутбуком, а

большую часть суток. Чему он сам, изрядно соскучившись по возможности полноценного дневного общения с женой, был безумно рад.

Возвращаясь с работы, он сначала забежал в ближайший от снимаемой квартиры магазин, поскольку он предложил Яреци купить что-нибудь для быстрого приготовления ужина, и только потом направился домой, где его ждала жена. Обычно, стоило ему только открыть дверь, как Яри выходила его встречать, поэтому, не увидев никого в коридоре, он немного удивился, но, обнаружив в коридоре мужские ботинки, догадался, что к ним зашел Моррис, поскольку у Джуна была нога поменьше, а других мужчин Яреци явно не стала бы принимать в его отсутствие. Особенно, учитывая ограниченное количество знакомых, с которыми девушка могла пересечься в Пекине.

- Отец? – Сняв обувь и оставив лишние вещи в коридоре, Тору с пакетами прошел на кухню, чтобы наблюдать совершенно невероятную картину – пьяного Морриса, чье сомнительное состояние сразу бросалось в глаза и обрабатывающую ему ранки на руке Яри. С учетом своего предыдущего опыта, он догадался, что причиной подобного безобразия снова являлась Лаура, которой, похоже, доставляло какое-то извращенное удовольствие издеваться над своими близкими. Но на этот раз ему не удалось вовремя перехватить тестя и теперь ситуация усугубилась присутствием Яреци, которая выглядела напуганной и расстроенной одновременно. А значит, о тихом семейном вечере он снова мог даже и не мечтать.

Моррис Фернандес

Он благодарно принял чашку чая и закрыл глаза. Тепло фарфора приятно грело руки, но это продолжалось недолго, и он поморщился, когда руки начали гореть. Убрал руки и посмотрел на дочь. Хотел сказать что-то, но не успел. Она взяла его за руку и стала просить его не расстраиваться. Он вздохнул. Если бы всё было так просто... если бы действительно он расстроился из-за её отъезда в монастырь и своего возвращения после стажировки в Испанию, то её глаза, такие добрые и заботливые, такие родные и любимые, вернули бы ему приятное расположение духа. Он не успел ничего возразить, как она пискнула и куда-то убежала, обратив внимания на его разбитую в мясо руку. Пока она отсутствовала, он с интересом рассматривал выступающие капли крови и пытался вспомнить, как так получилось. Только вот он не особо помнил, что было между разговором с некогда любимой Лауриттой и появлением на пороге дома. Сколько прошло времени?

Он посмотрел на часы. Кажется, прошло всего полтора часа. Уже хорошо. То есть он не был в загуле.

Дочь вернулась с необходимыми для приведения его руки в порядок предметами и стала осторожно обрабатывать его ранки. Делала она это так нежно и аккуратно, и он невольно вспомнил ласковые и нежные руки Лауритты, когда та в далёком детстве обрабатывала его разбитую губу и отчитывала его за драку. Эти прикосновения... прошло уже почти пятьдесят лет, а он помнит об этом. Почему он это помнит? Почему Лаура так поступила с ним сейчас?

И снова вспышка неприятных воспоминаний, от которых по сердцу будто прошёл острый тесак. Вроде тех, которыми разделявают мясо. И сердце. Он поморщился и

только усилием воли заставил себя не застонать, чтобы не пугать дочку.

- Зачем ты подрался с ними? Они же могли тебя убить, - всхлипнула девочка, доставая из своего портфельчика бумажную салфетку.

- Они приставали к тебе. Я просто не мог пройти мимо. Да и не мой уровень, эти щенки. Они даже драться не умеют, - с чувством собственного достоинства добавил он, вставая. Из разбитого нома потекла кровь, и он задрал голову. - Меня, кстати, Моррис зовут.

- Не делай так больше, они могли тебя убить, - снова всхлипнула девочка. - Не задирай голову. Давай я тебе помогу. Меня Лаура зовут, я живу здесь неподалёку...

От этих тёплых, но очень неприятных воспоминаний его отвлёк появившийся на пороге зять. Он болезненно поморщился и как-то обречённо вздохнул. Теперь он понял всю бесполезность и неправильность этого мероприятия. Появилось жгучее желание говорить. Много, очень много. Но он не хотел ничего говорить при дочери, боясь её реакции на произошедшее. И он искренне надеялся, что Лаура ещё не позвонила дочери. Хотя, зная свою благоверную, он сомневался в этом. И он даже боялся представить, что могла она наговорить.

- Нет, малышка, - запоздало ответил он на слова дочери, - я не поеду в Москву. Ты... должна жить своей жизнью, я не имею права вмешиваться в неё. Здравствуй, Тору, - кивнул он зятю.

Яреци Фернандез

Когда папа поморщился и чуть не застонал от боли, девушка приняла это на свой счёт, решив, что неправильно что-то сделала. Или ему было больно. И хоть говорят, что перекись водорода не щиплет, но по своим разбитым в детстве коленкам и ссадинам на руках и прочих частях тела она помнила обратное. Иногда ей нравилось, как при взаимодействии с кровью перекись шипит и пузырится, вытекая из раны и втаскивая вместе с собой частички грязи, вот только потом наступало жжение. И если второй раз налить немного перекиси на рану, то шипения уже не будет. Наверное, папе тоже больно. Она поджала губы и шмыгнула носом. Наверное она ни на что не годится, раз даже папе не может нормально помочь. Про Джуна вообще вспоминать было страшно. И про его состояние, которое случилось по её халатности, и про отсутствие какого-то минимального опыта врачевания как способности или как базовых знаний. Она периодически придумывала себе всякие ужасы, что могло с ним случиться, если бы они оказались на прогулке. Или если бы он остался в Японии. Или если бы в тот случай Маргариты не было в Пекине и она не смогла бы приехать. Она бы всё отдала, чтобы никогда не думать о плохом и радоваться, что всё закончилось с положительным исходом.

Папа ей не нравился. Он был очень странным, и, кажется, он о чём-то думал. О её словах? Или он даже не слышал их? Что с ним произошло? К горлу начала накатывать паника, и появилось острое желание заглянуть в его мысли, но она сомневалась, что это правильно.

Она даже не услышала, как пришёл Тору. Только вздрогнула, когда услышала это слово "отец", обращённое к папе. Она обработала раны, выкинула бинт и помыла руки. Потом подошла к мужу, обняла его за шею и поцеловала в губы, стараясь не задерживаться долго. Потом посмотрела на продукты.

- Мой руки, сейчас будем кушать. И... спасибо тебе... - тихо поблагодарила она за то, что он разрешил ей не готовить и сам предложил купить что-то поесть. - Тору, папа расстроился, что мы уедем в монастырь и не сможем проводить его в аэропорт... Но мы же будем его видеть? Я... я обещала папе, что приеду к нему в Москву. Ты... ты же отпустишь меня?

Она действительно верила, что папа расстроился из-за этого. Может он напился и из-за того, что закончилась его стажировка и он уедет? Ведь как она поняла из недавнего разговора с ним ему тут нравилось и он даже проникся этой кухней, хотя раньше нейтрально отзывался об этой кухне. Она даже не подумала, что такое состояние могло быть вызвано звонком мамы.

Тору Мотидзуки

Судя по реакции Яри, она даже не заметила его появления, увлекшись своим занятием. Но насторожило его не это, а ее выражение лица, мельчайшие изменения которого он успел отлично изучить. То, что девушка волновалась за отца, было очевидно, но здесь скрывалось что-то еще, заставляющее его внутренне напрячься и быть готовым к не самому благополучному варианту развития событий. Да и состояние Морриса наводило на нехорошие размышления и вызывало желание сделать что-то, чтобы они не могли больше получать звонки из Испании, поскольку от них, на данный момент был один вред, с последствиями которых, похоже, предстояло разбираться ему.

- Яри, так отец, насколько я понял, не собирается в Москву. Куда ты собралась ехать?

Конечно, он бы не отпустил жену в Россию в ее положении. Перелет из Пекину в Москву занимал немало времени, и он бы не рискнул ее здоровьем. А вот уже после, и когда это будет нормально для ребенка - пожалуйста. И, по-возможности, он бы сам присоединился, поскольку за последнее время успел сблизиться с Моррисом и начал считать его чуть ли не вторым отцом.

- Если ты за то, чтобы общаться с отцом, после того, как у него закончится стажировка, то я только за. Мы обязательно приедем вас навестить и пригласим к себе в гости, как только обоснуемся где-нибудь на постоянной основе. - Последние слова были адресованы Моррису, отъезд которого Тору огорчал чуть ли не больше, чем разлука с родной семьей. С того момента, как отец Яреци заявил, что не принимает его, как избранника своей дочери прошло немногим больше полугода, а за это время все изменилось настолько глобально, что он сам поражался скорости происходящего. Но, наверное, не зря он ждал столько лет, чтобы потом все закрутилось с такой скоростью, чтобы казалось, что один год идет где-то за десять лет полноценной жизни.

Яри отправила его мыть руки, и он послушно пошел в ванную комнату, удивляясь и,

одновременно с этим, радуясь наивности девушки, не понимающей истинных причин плачевного состояния Морриса. Хотя в этом были свои плюсы. Если бы Яреци понимала, что во всем была виновата ее мама, то, наверняка, впала бы в отчаяние, из которого пришлось бы ее вытаскивать ему самому. А, учитывая импульсивность его жены и связанные с беременностью гормональные изменения, это было не так уж и просто.

- Тебе помочь? - обратился от к Яри возвращаясь из ванной. Он не хотел напрягать девушку, учитывая ее переживания и явное нервное напряжение, но пока плохо понимал, что может для нее сделать. Как и для Морриса, который не случайно пришел к ним домой и несомненно нуждался в поддержке со стороны близких людей.

Моррис Фернандес

Он посмотрел на обработанную руку, потом перевёл взгляд на молодых людей, которые обнимались и целовались, и болезненно поморщился и прикрыл глаза. Он сам и после женитьбы старался не проявлять нежность по отношению к Лауре в присутствии ее родителей. Тёща иногда приезжала в Россию, следила за внучкой, пока он и Лаура работали, а Яреци училась в школе. Тёща была строгим и сложным в общении человеком. Моррис не помнил ни одного раза, когда она сказала что-то положительное в его сторону. Он для неё всегда был "всего лишь поваром". С тестем, впрочем, тоже было сложно общаться, но если приходилось выбирать между ними, то он с удовольствием выбирал тестя.

Слова дочери, что она может приехать в Москву, чтобы навестить его, показались ему полнейшей ересью, и в какой-то момент накатила ярость, однако он смог справиться с эмоциями и отпить немного чая. Посмотрел на дочь, которая возилась с продуктами, и шумно вздохнул. Он не знал, что ему делать сейчас, чтобы оставаться нормальным и сильным человеком в глазах детей. Нельзя было терять лицо, нельзя давать волю нахлынувшим эмоциям, нужно постараться допить этот чёртов чай, попрощаться с ними и уйти. Лечь спать. А через неделю, или сколько там осталось времени, сесть на самолёт и уехать. Неизвестно пока, куда уехать и чем заниматься дальше. Может, рвануть в Мехико? Только что там делать? Для начала навестить могилы родителей, а там видно будет.

Только вот почему-то даже с первым пунктом у него не заладилось. Он понял, что не потерять лицо у него не получится, и острое желание поговорить становилось всё острее. Оно будто жгло его сознание, оставляя жуткие ожоги. Он посмотрел на дочь.

- Она ведь тебе звонила? - Спросил он, заранее зная, какой она даст ответ, но надеясь, что Лаура по каким-то причинам не смогла дозвониться до дочери. Сомнительная надежда.

Яреци Фернандес

- Но папа, почему ты не хочешь возвращаться в Россию? Это же... тебе там нравилось. Там... там вы с мамой прожили счастливые годы жизни, - произнесла девушка, кладя на стол палочки для Тору и себя и вилку для папы. Наверное, ему тоже надо поесть немного.

Почему он не хочет возвращаться туда? Ведь там она выросла, там она гуляла с папой и с мамой по улицам, смеялась, шутила. Там папа собирал большие компании на маленькой кухне, веселился и смеялся. Почему он сейчас такой грустный? Почему он не реагирует ни на что? Что с ним случилось?

Вернулся Тору, и она отрицательно мотнула головой, кивая на стул, чтобы он сел за стол. Он, наверное, устал на работе, и она должна ему помочь. Хотя бы разогреть принесённую еду, раз она не удосужилась сама ничего приготовить. Внимательно посмотрела на папу, а потом вздрогнула, когда услышала его вопрос.

- Да, мама мне позвонила. Она... сказала, что ты забрал меня у неё и не хочешь, чтобы я была счастлива, живя с ней и Маркусом, - хмыкнула девушка на удивление спокойно. - А ещё она сказала, что ты не сдержал клятву. И что если я не брошу Тору и ребёнка, то пойду по ее стопам. Папа, о чём она говорила? Папа, почему вы разводитесь? Это... из-за меня? Из-за того, что я уехала на поиски монастыря?

Она поставила пиалы перед папой и Тору. Голос сильно дрожал, и она с тоской поняла, что снова готова расплакаться. Папе плохо не из-за того, что он уезжает из Китая?

Тору Мотидзуки

Яреци отказалась от его помощи, и он сел за стол, бросая настороженные взгляды на жену и тестя. Пока Яри до конца не понимала, что происходит между ее родителями, но, судя по всему, сегодня части ее заблуждений суждено было разрушиться, а ему стоило проследить за тем, чтобы это произошло с минимальным ущербом для всех присутствующих, включая дочку, которая пока еще даже не появилась на свет.

Как оказалось, женщина, доставляющая одни проблемы, позвонила не только Моррису, что было очевидно из его слов, но и Яреци, наговорив какую-то несусветную чушь. Тору с трудом сдержался, чтобы не выругаться, услышав всю эту ерунду, но пока решил не вмешиваться в разговор, давая жене и тестю разобраться в волнующих их вопросах. Конечно, он не хотел, чтобы Яри знала некоторые подробности, но, давно уже думая на эту тему, пришел к выводу, что, не зная правды, девушка начнет придумывать всякие безумные вещи и обвинять себя в развалившемся браке родителей, что она и подтвердила, завалив отца непростыми вопросами.

Когда Яреци поставила перед ним пиалу, Тору на несколько секунд накрыл ее руку своей, чтобы показать, что он всегда готов оказать ей поддержку. Ему безумно хотелось обнять жену и попытаться ее успокоить, но пока он понимал, что это слишком рано, и начавшийся разговор обязательно должен прийти к логическому завершению. Ну а уже после него состояние Яри, наверняка, будет требовать его скорейшего вмешательства, так что вариант с объятьями не отменялся, а просто переносился на более поздний срок.

Моррис Фернандес

В своих предположениях он оказался прав, что его совершенно не радовало. Лаура всё-таки звонила дочке и говорила всякие гадости. Когда он слышал от дочери, что

она должна пойти по стопам матери, он болезненно закрыл глаза и опустил голову. Помассировал виски пальцами рук и открыл глаза. Чувство предательства сильно жгло душу, разъедая её, и он понимал, что не может всё навалившееся держать в себе. Ему необходимо было всё рассказать, чтобы не сойти с ума, но он понимал, что не хочет ничего рассказывать дочке. Это будет для неё ударом. А он боялся, что в этом случае ни он, ни Тору не смогут ее успокоить.

Он глубоко вздохнул и отстранённо посмотрел на вилку и поставленную перед ним пиалу с едой, которую Тору купил в магазине. Есть совсем не хотелось, и он отодвинул пиалу.

- Она и тебя тоже обманула, - горько он хмыкнул и посмотрел на своё обручальное кольцо. - К сожалению, я не могу тебе всё рассказать. Да, мы с ней разводимся. Но... милая, в этом виновата далеко не ты, не накручивай себя. Я... - он посмотрел на Тору, который явно чувствовал себя лишним и, наверное, был бы рад сейчас оказаться в тихой квартире с женой. Без выслушивания откровений тестя. Моррис был очень благодарен Тору, за поддержку и участие, но он боялся, что переступит эту грань и покажется сломленным стариком. Он не хотел, чтобы его жалели, но больше всего он не хотел находиться в таком состоянии.

- К сожалению, в жизни многое происходит совсем не так, как мы хотим. Ты знаешь, мы обвенчались в соборе, мы давали клятву перед Богом. А потом, когда мы узнали о тебе, она отреклась от церкви. Она выкинула крестик, она заставила церковь признать наш брак недействительным. Она... обманула меня. Она в годовщину нашей свадьбы давала клятву в верности, но... она обманула... церковь, своих родителей. Меня... я об этом узнал только несколько дней назад. Она мне прислала письмо, в котором призналась во всём и назвала наивным дураком. Она... никогда меня не любила...

Он подавил судорожный всхлип и опустил голову. Отпил немного остывшего чая, надеясь, что станет легче.

- У неё была одна тайна, и я поклялся себе, что никогда её не предаю и не расскажу никому. Видимо, она посчитала, что я предал её... Я... Милая, не вини себя ни в чём. Ты не виновата, это просто... твоя мама ведь достаточно сложный человек, но несмотря на все её закидоны я любил её. Я продолжаю любить её. Эти ей слова к тебе... прости, но я... не могу тебе об этом рассказать. Это моя клятва, и я не могу её нарушить.

На последних словах его голос надломился, и он сглотнул. Промокнул пальцами руки глаза и с ужасом обнаружил, что на глаза выступили слёзы. Такие унижительные и постыдные. Он горько хмыкнул и обречённо вздохнул...

Яреци Фернандез

Тору накрыл её ладонь своей рукой, и она ощутила поддержку и любовь. Он продолжал её любить, даже несмотря на то, что она учудила, встречаясь с Джуном и пытаясь его привести в сознание. Ей казалось это невероятным, что он даже не ругался и не вспоминал об этом по возвращению домой после того, как Джун очнулся. Она была ему сильно благодарна и не знала, что делать дальше, чтобы он

перестал переживать и сердиться. Ей нужно было много и долго работать над собой, и ей было страшно, что всё равно никто и никогда не перестанет показывать на их брак и говорить им всякие гадости. А если дочке тоже будут все что-то обидное говорить? Ведь дочка будет знать, что у её мамы и папы разница в целых двадцать лет. Это много. Но... судьба это или карма?

Папа был очень нехорошим. Он долго молчал, а потом начал говорить. И каждое его слово болью отдавалось в её сердце. Она хотела перестать это слышать, она хотела верить, что это всё плохой и страшный сон, который закончится, стоит ей только проснуться. Но тут была единственная проблема - она не спала. И это была правда.

Мама никогда не любила папу? Мама не была с ним счастлива? Может быть поэтому она всегда была на работе, и с ней постоянно сидел папа? Но почему она тогда жила с ними? Она ведь могла спокойно уйти, развестись, оставить только церковный обряд, такой красивый и красочный. Почему она этого не сделала?

Но вот когда на глазах у папы появились слёзы, она вздрогнула и побледнела. Ей стало очень страшно, потому что она никогда ещё не видела своего папу не только таким сломленным и несчастным, но и плачущим. Она совершенно не представляла, что с этим делать, как его утешить, чтобы не навязываться, и нужно ли вообще его утешать. Или лучше сделать вид, что она ничего не увидела?

Она посмотрела на Тору, надеясь, что он как-то поможет. Потому что она боялась сделать что-то не так и заставить папу действительно чувствовать себя слабым и сломленным. Она сглотнула.

Тору Мотидзуки

Моррис все-таки решился и рассказал Яри подробности об их разводе с ее матерью, и хоть после каждого его признания Тору бросал тревожный взгляд на девушку, останавливать тестя не стал, понимая, что и ему нужно высказаться, и его дочери понять, что в мире взрослых людей не все так однозначно и просто, как ей когда-то казалось. Даже с виду идеальные отношения могли на проверку оказаться чем-то совершенно другим, и основной процент успеха счастливого брака заключался не в тех вещах, которые создавали красивую внешнюю картинку, а в доверии между супругами и их искренней заботе друг о друге.

В конце своих объяснений тесть попытался показать Яри, что она ни в чем не виновата, но, учитывая любовь девушки брать на себя ответственность за все, что происходило практически с каждым из ее знакомых, Тору сомневался в успехе этого предприятия. Особенно учитывая выступившие на глазах Морриса слезы, которые его дочь, наверняка видела редко, если вообще видела. И, судя по ее испуганному и просящему помощи взгляду, девушка понятия не имела, что делать с отцом и как правильно себя вести, надеясь на поддержку мужа.

- Никто из присутствующих ни в чем не виноват, - произнес он негромко, понимая, что дальнейшее развитие ситуации во многом будет зависеть от того, насколько правильные он подберет сейчас слова. - В жизни не все всегда идет так, как нам бы хотелось. Да и ваша жена, отец, думаю, не случайно так себя ведет. Должна же

быть какая-то причина. Я не верю, что человек может, ни с того, ни с сего, начать вести себя столь неадекватно. Простите, если оскорбительно высказался о вашей жене.

Обращаясь к Моррису, Тору преследовал две цели: заставить его продолжить говорить, чтобы тот окончательно не закрылся в своих страданиях, и показать Яри, что все происходит не потому, что кто-то плохой, а по какой-то непонятной причине. И пусть он не был уверен, что у него получилось их достигнуть, Тору, не являясь знатоком человеческих душ, по крайней мере, постарался сделать все, что мог на данный момент придумать.

Моррис Фернандез

Некоторое время длилось молчание, и оно было спасительным. По крайней мере, старший Фернандез и, судя по всему единственный носящий эту фамилию, за эти несколько минут справиться со своим эмоциями и убрать свою постыдную слабость куда подальше. Не стоило вообще сюда приходить и пугать дочку своим видом. Судя по её напуганному лицу и беспомощному выражению, которым она смотрела на своего мужа, напугал он её сильно. И, что самое неприятное, её не столько ранили его слова про мать, сколько его эти слёзы. Но надо отдать ей должное - она не побежала его успокаивать и утешать. Вот этого ему сейчас не было нужно.

Но молчание, такое спасительное, было прервано словами молодого человека. Моррис посмотрел на своего зятя и глубоко вздохнул. На секунду прикрыл глаза, собираясь с мыслями и думая, что можно сказать, а что опустить. Вот только сил не было что-то скрывать и анализировать. Хотя, глядя на дочку, он бы всё отдал, чтобы в этот момент она была занята чем-то другим, а не сидела бы здесь. А если совсем по-честному, то он вообще не хотел, чтобы такой момент когда-либо наступал.

- Да, у неё есть причина... она кроется очень глубоко и далеко. Она... - он закрыл глаза. Ему придётся нарушить свою клятву, которую он дал после того, как её отец дал разрешение на их брак. И хоть он эту клятву давал в парке, свидетелей не было, нарушить её он не мог. Это было слишком личное. Он простил её, он никогда не вспоминал об этом, даже когда она хотела расстаться с ним. Даже когда он видел её с любовником. Но потом она забеременела...

Он посмотрел на свои руки и криво усмехнулся. Предыдущие раны на руках ещё не до конца зажили, а на их месте на одной руке появились свежие, ровные и глубокие.

- Лаура, - он хотел подобрать какое-нибудь прилагательное, но ничего не придумал. Она перестала быть для него "любимой". И это осознание, появившееся на небольшой кузне съемной квартиры детей, больно резануло по сердцу. - за несколько лет до нашей встречи с ней в Барселоне она была помолвлена. Она любила Серхио, их родители видели этот брак крепким и замечательным. Вот только... однажды она возвращалась домой поздно ночью. На неё напали. И изнасиловали. Ей никто не помог. Она рассказала всё своему жениху, и он обозвал её и расторг помолвку. Это произошло накануне свадьбы. Все были в шоке. Никто не знал истинных причин этого предательства. Никто кроме Рикардо, твоего дяди. Он пытался ей помочь, но у него была работа за границей, и она оставалась одна. А потом она узнала, что забеременела. Католическая церковь выступает

категорически против абортов, здесь это считается даже большим грехом чем убийство человека. Рикардо пытался её поддержать, но... ей после того момента сорвало крышу. Она наделала много глупостей, и у неё случился выкидыш.

Он на мгновение замолчал и заметил, что говорил это абсолютно сухим и неэмоциональным голосом, как будто пересказывал недавно прочитанную книгу. Ему казалось, что это будет крайне трудно говорить, но оказалось всё намного легче. Возможно, он отпускал эту ситуацию, а вместе с ней и эту женщину.

Решив, что молчание может затянуться, он продолжил:

- После этого она стала искать утешение в разных мужчинах. Потом она встретила со мной. Она мне рассказала обо всём, видимо Рикардо ей посоветовал открыться. Я был, конечно, в шоке, но я не бросил её. Ведь я любил её. Я до сих пор люблю свою милую и родную Лауритту... - Голос Морриса надломился, и он зажмурился, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. - Она призналась родителям, что я её не первый мужчина, но она так и не смогла рассказать про изнасилование. Ей это казалось не таким важным. мы обвенчались, я поклялся, что буду её оберегать, она поклялась, что меня никогда не бросит. А потом родилась ты... она стала потихоньку успокаиваться, пыталась избавиться от своих привычек, я её ценил и уважал, я пытался сделать её счастливой. Но... наверное, моей любви было недостаточно...

Выговорившись, он почувствовал какое-то облегчение. Хотя предательские слёзы всё равно появились на его глазах. Он глубоко вздохнул и безучастным видом уставился на содержимое чашки.

Яреци Фернандез

Молчание было недолгим, и после слов Тору папу "прорвало". Девушке надоело стоять и она села на колени мужа. Просто потому, что два других стула вечно где-то болтались. А идти за ними не хотелось. Да и как-то на коленях мужа чувствуется защита и спокойствие. А успокаиваться было от чего. И это ей всё не нравилось.

Ей не нравился голос папы. Сухой, без эмоций, голос человека, читающего по бумажке текст. Не нравилось, что папа тоже называет маму по имени. Она вспомнила, как после неожиданного известия о беременности позвонив папе наткнулась на маму. В её голосе была ненависть. К Тору, к папе, к ней. Яреци до сих пор не могла понять, почему мама так сильно возненавидела её, папу, Тору, если раньше всё было хорошо. Хотя Яри прислала ей несколько фотографий, в период, когда училась те недолгие полтора месяца осени, вообще не говорила про Тору, а потом... у мамы заболела бабушка, она ждала поддержки, а папа был занят, и она сама была занята. Тогда и произошло всё вот это...

Она была совершенно сбита с толку. Она не знала, как реагировать на это, что нужно делать. Первой её мыслью было отрицать всё это, говорить, что это неправда и всё это ужасный и плохой сон. Но это была реальность. Суровая, страшная. Реальность. в которой её родители не любили друг друга, в которой мама предавала папу. Суровая реальность, в которой мама, которая за разговорами по телефону достаточно положительно отзывалась о Тору, сказала, что не потерпит ребёнка от него. Что нужно сделать аборт. Что делать?

- Папочка... - тихо прошептала девушка, да так и застыла с приоткрытым ртом, потому что не знала, что сказать. Вместо этого она взяла его руку в свои ладони и крепко сжала.

Она боялась. Она читала когда-то про защитную реакцию организма, когда тот блокирует чувства, а потом, поймав нужный момент, срывается как спусковой механизм. Она боялась этого, а потому, подержав ещё немного папину ладонь, сильнее прижалась к Тору...

Тору Мотидзуки

Слушая откровения Морриса, Тору не мог отделаться от ощущения, что его глаза постепенно теряют свой классический азиатский разрез и становятся круглыми. Он предполагал, что отношения тестя с женой имеют свою непростую историю, но он даже и представить себе не мог, насколько там все было запущено. Да по сравнению с терпением Морриса и его безграничной любовью к жене его собственные поблажки беременной Яреци, когда он не ругал ее за достаточно сомнительное поведение, казались чем-то незначительным. А что касается случившегося с матерью Яри... Это многое объясняло, но не оправдывало ее поведения по отношению к дочери, которая не сделала ничего плохого, просто последовав за своими чувствами.

В какой-то момент, перед его глазами мелькнула страшная картина, что нечто подобное случается с его Яреци, и он почувствовал, как его грудь сковывает ужасом. Тору не сомневался, что, как минимум, покалечил бы любого, кто посмел дотронуться до его жены даже пальцем, поэтому ему даже представить было страшно, что чувствовал Моррис, рассказывая эту ужасную историю, которую держал в себе долгие годы, и как ему жилось, не имея возможности изменить случившееся.

Где-то на середине рассказа Морриса Яреци села к нему на колени, и он прижал ее к себе, понимая, что сейчас его поддержка нужна ей как никогда. Он физически ощущал ее страх и растерянность, когда отец закончил говорить и немного ослабил объятия, чтобы она могла взять Морриса за руку и показать, что разделяет его горе. Сейчас они не могли ему помочь. Только выслушать и дать понять, что он потерял не всю свою семью, а лишь ее часть, хотя и это, несомненно, было очень тяжело.

- Спасибо за то, что поделились с нами. - Тору не стал что-то добавлять к своим словам, понимая, что его сочувствие может только еще больше расстроить Морриса и дать ему почувствовать себя слабым. Он просто еще крепче обнял прижавшуюся к нему Яри и успокаивающе провел рукой по ее волосам. Наверное, услышанное разрушило немало ее представлений о семье родителей, и Тору очень надеялся, что она не додумается переносить что-то связанное с матерью на себя и расстраиваться еще сильнее, чем сейчас, если это вообще было возможно.

Моррис Фернандез

Больше всего он боялся, что Яреци начнет плакать, спрашивать что-то, о чём-то говорить, задавать неудобные вопросы. И постараться утешить или пожалеть. Но этого не было. Было только прикосновение её маленьких нежных рук к его ладони.

От этого простого жеста стало как-то легче. Только вот почему-то оставался неприятный осадок, который сильно мешал. Моррис чувствовал свою вину перед ними. Наверное, он действительно не должен был приходить к ним. Нужно было остаться дома и попытаться самому пережить это. По крайней мере, эти слёзы никто бы не видел.

Он снова промокнул глаза пальцами руки и, посмотрев на дочь, тоже накрыл её ладонь своей рукой и слабо улыбнулся. Правда, улыбка получилась очень грустной и вымученной.

- Спасибо, - благодарно кивнул он. - Я... не знаю, что на меня нашло. Это... вероятно, это было глупо и как-то слабо... но... это, наверное, должно было случиться. И... спасибо, что вы остаётесь моей семьёй. Пожалуй, действительно для того, чтобы обрести что-то действительно ценное нужно потерять что-то дорогое.

Он нежно поцеловал ладошки дочери и встал со стула. Но опасно пошатнулся и сел обратно. щёки налились румянцем смущения.

- Я... что-то мне не очень хорошо. Сделай мне, пожалуйста, чаю, - произнёс он, глубоко вздохнув и снова опуская голову.

Яреци Фернандез

Тору её крепко прижимал к себе, давал надежду, а она держала папу за руку, помогая ему справиться с болью предательства. Она не знала пока, как на это всё реагировать, что делать, зачем всё это делать. Она не знала, стоит ли говорить с мамой на эту тему или нет, хотя почему-то она была уверена, что мама не захочет с ней разговаривать. Наверное, это могло случиться. И, наверное, хорошо, что это случилось сейчас, когда у неё есть поддержка самых любимых мужчин - папы и мужа. И она понимала, что её дочь никогда не должна видеть что-то плохое в отношении родителей. Она должна быть умной, мудрой, чтобы делать счастливым мужа, дочь и, конечно же себя. Потому что мама, кажется, не хотела делать никого счастливым. А папа её очень сильно любил...

От мыслей её отвлёк голос папы, и она вздрогнула, когда он поцеловал её ладони. Она не стала ничего говорить, просто, освободив свои руки, взяла мужа за руку. А потом папа начал вставать, но пошатнулся и сел обратно. Она испуганно вскрикнула и встала с колен мужа, чтобы заварить новый чай. Налила в кружку и поставила перед папой.

- Тебе очень плохо? Как мы можем тебе помочь? - Спросила она, прислоняясь ладонью к его щеке.

Тору Мотидзуки

Моррису было тяжело, причем к душевным мукам, добавлялись страдания физические, вызванные чрезмерным употреблением алкоголя. Учитывая его возраст и далеко не идеальное состояние здоровья, ему не стоило так издеваться над своим организмом, но не Тору было учить тестя, попавшего в ситуацию, в которой он сам, наверняка, учудил бы что-нибудь страшнее, чем распитие крепких напитков и разбивание собственных рук, что делать. Он мог только его поддержать и

постараться переключить с тяжелых мыслей на что-то более положительное.

- Остаемся и всегда будем оставаться. - Тору постарался, чтобы в его голосе прозвучала уверенность. - А с появлением малышки семья станет еще больше. Надеюсь, вы мне подскажете, как успокаивать маленьких дочерей.

Перед его глазами пронеслась картина, как Яри с их дочкой на пару ревут из-за какой-то ерунды, настолько реалистичная, что он даже вздрогнул, понимая, что впереди его ждут непростые дни, и поддержка Морриса, как-то справлявшегося с двумя женщинами сразу, ему совсем не помещает.

Тем временем тесть попытался встать, но ничего путного из его попытки так и не вышло. И, наверняка, обладая большим опытом алкогольных опьянений, Моррис сразу запросил чай, которого, как полагал Тору, ему следовало еще выпить в количестве далеко ни одной чашки. Яреци же сначала испугалась, но потом собралась и выполнила отцовскую просьбу, демонстрируя, что стала вести себя намного взрослее, если не считать заданные Моррису вопросы, ответы на которые казались Тору очевидными. Но он не стал прерывать жену или как-то комментировать ее слова, считая это неуместным. Ей сейчас приходилось нелегко, и, несмотря на это, она неплохо держалась, пусть Тору и не был уверен, что после ухода отца ее не прорвет на слезы, а то и полноценную истерику.

Моррис Фернандез

Дочь была напугана этой ситуацией, и он усмехнулся. Конечно, она не видела его таким пьяным и сломленным одновременно. Она-то и пьяным его видела редко, но всегда это состояние сопровождалось смехом, раскрепощенностью, какими-то шутками и разговорами о жизни. Без депрессий, плохих сообщений и, разумеется, без драк. Моррис не помнил, чтобы когда-то дрался из-за употребления алкоголя. Но иногда бывало, что он не мог дойти до кровати или раздеться, заваливаясь спать либо в одежде, либо где-то на пороге комнаты. А потом просыпался, и Лаура весело стебала его, беззлобно отчитывала и отправляла в ванную, а только потом, убедившись в том, что от него не несет перегаром, подпускала к дочке.

Он снова болезненно поморщился, вспомнив улыбку своей единственной любимой женщины, и мотнул головой. Протер лицо руками и сложил их в замок и уткнулся в них лбом. В нос ударил приятный аромат свежесваренного чая, и он посмотрел на дочь. Обнял чашку двумя руками и тяжело вздохнул.

- Подскажу, - улыбнулся мужчина на просьбу Тору. Он искренне надеялся, что Яри примет это все, что произошло между ним и Лаурой, отпустит эту ситуацию и будет жить счастливо в браке. А он... он будет помогать, если они попросят или предложат. И, что самое неожиданное, он переставал бояться, что потеряет возможность общаться с дочкой и зятем, которого уже долгое время называл сыном. Боязнь одиночества постепенно отступала.

- Не знаю, правильно это или нет, но я не хочу больше ее видеть и о чем-то разговаривать. Я буду ей хранить верность. - Он бросил взгляд на обручальное кольцо. Он не будет его снимать, показывая тем самым, что, в отличие от нее он не собирается расторгать их брак. Тот, что был заключен в церкви. И он сохранит

обручальное кольцо своей жены.

Яреци Фернандез

Папа на ее вопрос ничего не ответил, он даже не обратил внимания на то, что она прислонила свою ладонь к его щеке. Он был напряжен, задумчив, грустный. Она убрала свою ладонь и вернулась к мужу. Она не хотела навязываться, но страх, что она не понимает, что будет дальше, все еще присутствовал в ее маленьком сердечке. Она снова взяла Тору за руку и посмотрела на него, когда он попросил подсказывать, как вести себя, чтобы успокоить дочь. Яри покраснела и обиженно посмотрела на него, а потом поцеловала в нос. И тихо хихикнула. Она была уверена, что они с Тору со всем справятся, что это испытание на прочность, что, если они пройдут его, то все будет хорошо в дальнейшем. Они обязаны пройти это испытание. А это было испытание, она чувствовала, и оно казалось каким-то каверзным, которое эта хитрая старушка Судьба отправила им.

Папа сказал очередную откровенную речь, и девушка, посмотрев на его обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки, грустно вздохнула. Наверное, хорошо, что он не будет снимать кольцо. Она не представляла его без этого аксессуара.

- Папочка, ты уже улыбаешься. Тебе стало лучше? Или тебе все еще плохо? - С сочувствием произнесла девушка, вздохнув. Возможно, ему стало немного легче в моральном плане, по крайней мере она очень сильно надеялась на это. Но вот в физическом плане ему было не очень хорошо. И она не знала, что делать. Но ведь нельзя насильно оставлять его здесь, но и оставлять одного тоже неправильно. Что делать, если он сейчас скажет, что пойдет домой? А вдруг с ним что-то случится?

Она зажмурилась и мотнула головой, прогнав эти мысли. А потом посмотрела на мужа.

Тору Мотидзуки

И все-таки его тесть был удивительным человеком. Тору не был уверен, что окажется он в подобной ситуации, смог бы так отчаянно хранить верность женщине, которая легко от него отказалась, когда что-то пошло не по ее сценарию. Хотя и он пока не прожил с Яреци вместе столько лет, чтобы научиться смотреть на нее такими же глазами, как Моррис на свою жену, которая, в отличие от чистой и искренней Яри, по его мнению, не заслужила подобной преданности.

Девушка продолжала выяснять у отца, как он себя чувствует, хотя было очевидно, что так быстро протрезветь и избавиться от последствий чрезмерного употребления алкоголя невозможно. Но надо было отдать Моррису должное, он держался достойно и рассуждал здраво, в отличие от некоторых его знакомых, теряющих человеческий облик, стоит им переборщить с крепкими напитками. Правда это не отменяло того факта, что тестя пока не стоило никуда отпускать, по крайней мере без сопровождения, о чем ему говорил сейчас и вопросительный взгляд Яреци, явно надеющейся на то, что он, как ее поддержка и опора, решит все проблемы.

- Отец, думаю, пока вам не станет лучше, стоит остаться у нас. Если что, я потом вас провожу до вашей квартиры. - Тору пока плохо представлял, где и как

укладывать Морриса, в случае, если он заночует у них, но это однозначно было лучше, чем бросать тестя одного. Или он, действительно, мог его сопроводить, поскольку Яри вроде не собиралась впадать в депрессию или начинать лить слезы и должна была продержаться до его возвращения. Ну а потом... Он знал, что сможет ее утешить и успокоить. Всегда с этим справлялся и справится снова, что бы ни произошло.

Моррис Фернандез

На некоторое время на маленькой кухне повисло молчание, и мужчина отпил немного все еще горячего чая. Потом посмотрел на дочку и подавил в себе зевок. Бросил случайный взгляд на пиалу с едой и вилку.

- Спасибо тебе, сынок, - кивнул мужчина, вздохнув. - Я, наверное, немного еще посижу, но потом поеду домой, чтобы не смущать вас. Спасибо вам за поддержку, это для меня сейчас очень важно, - сказал мужчина.

Он не хотел мешать дочери и ее мужу сидеть в спокойной и непринужденной обстановке, наслаждаться обществом друг друга, а не возиться с ним. Он был сам виноват, что напился. Он не должен был срываться после ее звонка. Но это было, и это было неправильно.

Он попробовал приготовленную в кулинарном цехе очередного магазина еду и нашел ее достаточно вкусной. Только вот есть не хотелось. И было ощущение какого-то неприятного чувства где-то в желудке. Он горько усмехнулся, вспомнив, что иногда бывает такое, что рвотные спазмы накрывают после чрезмерного употребления алкоголя. Он надеялся, что с ним такая ситуация не произойдет. Потому что с ним никогда еще такого не было. И он не хотел становиться немощным и беспомощным стариком, каким его могли посчитать, если будет известно о том, что он плакал, да еще и напился до рвотных спазмов...

Яреци Фернандез

- Папочка, ты нас не смущаешь, ну что ты! - Пискнула девушка, пересаживаясь на колени отца и прижимаясь щекой к его щеке. Потом прислонилась к его груди и взяла его ладонь двумя руками. - Оставайся у нас, мы с Тору не против.

Она вдруг осеклась и посмотрела на мужа. А вдруг он будет против того, чтобы папа остался у них на ночь? Вдруг Тору хочется провести с ней остаток вечера в объятиях, милых и спокойных разговорах, без присутствия свидетелей. Жаль, что кровать здесь только одна. Как было хорошо в квартире в Москве. Три комнаты, в гостиной диван, на котором периодически спали гости. Спал дядя Гильермо, кто-то еще из посольства, спал и Тору. Первый раз он спал на диване зимой. Заснул, так как был очень уставшим, да еще переживал из-за нее. Второй раз он спал после драки и пьянства, когда узнал о смерти отца.

Там было очень хорошо. А здесь не было лишних спальных мест. И это расстраивало. Наверное из-за того, что придется папе отказать в ночлеге. Ведь не будут они предлагать ему спать на циновке на полу.

- Или ты против? - подошла она к мужу и взяла его за руку. Поцеловала ладонь и

села на свой стул. - Приятного аппетита, Тору, папа, - сказала она, вежливо кивнув и принялась есть. Странно, но ей казалось, что голод не такой сильный, но стоило попробовать как она не смогла уже остановиться. - Папа, хочешь я сварю кофе? Тору, можно ли после этого дела, - она щелкнула себя по шее, - кофе? Или лучше чай?

Тору Мотидзуки

Моррис чувствовал себя не слишком комфортно, вероятно, считая, что навязывается детям и мешает своим присутствием проводить время так, как им бы хотелось. И Тору понимал, что переубеждать его бесполезно. Он и сам бы испытывал дискомфорт, окажись на месте тестя, но, находясь в этой ситуации по другую сторону, должен был искать возможность оказать гостеприимство и, при этом, не оскорбить Морриса демонстрацией жалости. Жалеть могли женщины, а мужчины должны были понимать друг друга и, в случае необходимости поддерживать, что Тору и старался делать в меру своих сил и возможностей.

- Яри, конечно я не против, - он с любовью посмотрел на жену, которая сегодня демонстрировала взрослое поведение и умение контролировать свои эмоции, на что он даже и не рассчитывал, учитывая всю сложность ситуации. Но, похоже, беременность постепенно меняла Яреци, делая ее более спокойной и рассудительной. По крайней мере, Тору очень хотелось верить, что это именно так.

- Да сиди ты уже и ешь спокойно. Хватит прыгать, я заварю чай. – Он сам успел только немного поковырять еду палочками, не чувствуя острого голода, а вот Яри набросилась на незамысловатую пищу так, словно она последний раз ела где-нибудь неделю назад.

Не желая ее отвлекать от этого важного занятия, Тору поднялся и заново поставил чайник, в котором осталось уже немного воды, планируя заварить свежий ароматный чай из запрятанных в закромах запасов. Сам он напивался очень редко, но, по опыту своих знакомых, знал, что чай в таких ситуациях очень даже неплох, конечно, если его удастся без особой борьбы залить в перебравшего с алкоголем человека.

Яреци Фернандез

Пока папа молчал, девушка быстро доела свою порцию, а потом посмотрела на почти полную пиалу мужа. Наверное, он не хотел есть, и она взяла его пиалу, воспользовавшись тем, что он решил сам поухаживать за ее папой. Это было очень хорошо, к тому же радовало, что Тору разрешил папе остаться у них. Ей было очень приятно и замечательно, что Тору и папа подружились. Представляя Тору папе тогда давно, она очень сильно боялась, что они никогда не подружатся и заставят ее переживать из-за этого. Как хорошо, что этого не произошло, и папа, потеряв свою жену, с которой создал некогда счастливую семью, обрел новую семью в лице дочери и ее мужа. Скоро у папы появится внучка, и девушка искренне надеялась, что с рождением малышки папа станет счастливым. И у него все наладится. Она хочет этого. Жаль только, что это невозможно...

Моррис Фернандез

- Нет, спасибо, милая, мне кофе не надо. А вот от чая я бы не отказался. Я скоро приду в норму и смогу поехать домой. Я... признателен вам за гостеприимство и поддержку. Но я, наверное, откажусь от вашего предложения.

Он совершенно не хотел стеснять молодых людей и надеялся, что они не обидятся, что он не воспользуется их предложением. Яреци хоть и вела себя по-другому, могла в какой-то момент впасть в истерику или депрессию. Из-за него и Лауры. Эта падшая женщина и ее племянничек заставляли страдать Яри. И это его очень сильно нервировало. Он даже иногда сочувствовал Рикардо, к которому относился хорошо. И к которому, несмотря на развод с его сестрой, будет и дальше относиться хорошо.

Топу заварил чай, и Моррис благодарно принял у него из рук чашку чая. Постепенно мозг становился чище, и он вздохнул. Перед тем, как уйти, нужно было сделать еще одно дело. Оно ему показалось очень важным.

- Тору, тогда по телефону я дал свое благословение на ваш брак. Я не отказываюсь от своих слов, но, мне кажется, что такие дела не делаются по телефону. Поэтому я сейчас даю вам благословение на брак. Я надеюсь, что вы будете счастливы. Береги ее, - сказал он Тору. - Оберегай его, - кивнул он дочери...

Тору Мотидзуки

Яреци, демонстрируя, что она действительно сделала выводы и научилась сдерживать свои эмоции, не стала подсказывать и отнимать у него чайник, когда он поднялся, чтобы заварить свежий чай. Более того, она даже не попыталась запихнуть в него еду, к которой он практически не притронулся, за что Тору был ей весьма признателен. Поэтому, постепенно, витающее на их кухне настроение стало меняться с депрессивно-упаднического на вполне медитативное, благодаря аромату чая и временно установившейся тишине.

- Я обязательно буду беречь вашу дочь. – В первый момент неожиданное благословение тестя застало Тору врасплох, но он быстро собрался и взял жену за руку, показывая, что не собирается ее отпускать, чтобы ни случилось в их жизни завтра. Конечно, его страхи и подозрения никуда не делись, но он рад был поддержке, оказанной их семье отцом Яреци, о которой он еще несколько месяцев назад даже и не мечтал.

- Спасибо за ваше благословение. Для нас это очень важно. - С учетом того, что их брак обычно вызывал вопросы и неодобрение окружающих из-за разницы в возрасте, признание его отцом Яри было одним из самых первых и важных шагов к счастью, которого принято желать молодым семьям. И Тору собирался сделать все от него зависящее, чтобы оправдать доверие Морриса и показать, что, несмотря на множество своих недостатков, он станет для его дочери лучшим мужем из тех, что у нее могли бы когда-нибудь быть.

Яреци Фернандез

Получить благословение на брак от папы было самым главным подарком. Девушка, когда папа закончил свою трогательную речь, бросилась ему на шею и поцеловала в щеку. Потом еще раз поцеловала и крепко-крепко обняла. Папа обнял ее в ответ, а

потом отпустил. Девушка вернулась к Тору и его тоже обняла. Почему-то на душе стало прекрасно.

Вскоре папа засобирался домой, и она грустно вздохнула. С одной стороны, она понимала, что он должен уйти, но с другой... Так не хотелось расставаться. Ведь наверняка они еще не скоро увидятся. А так хотелось видиться с ним почаще, но, к сожалению, это нереально. Она скоро уезжает в монастырь, а у папы заканчивается стажировка и он возвращается домой. В Испанию. У него там любимая работа. А она... она осталась без родителей, образования. Но с любимым мужем. И будущим ребенком.

Тору вызвался проводить папу, и Яри, поцеловав Морриса на прощание и попросив Тору не задерживаться, закрыла за ними дверь и прислонилась к ней лбом. Из глаз потекли слезы, расставаться всегда тяжело, и она, стерев их кулаком, направилась на кухню, чтобы убраться. Выкидывая рагу с рисом из пиал мужа и папы, она поняла, что единственная в этой семье, кто ест. Разобрав пакет, она убрала еду в холодильник, а потом помыла посуду и протерла стол. Налила себе чай в чашку и, сев за стол и обняв чашку руками, стала ждать возвращения мужа.
